

16 ИЮНЬ 1984

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА

2207

ЭТА КНИГА с первых же строк, захватив неотступно, отозвалась в душе живой болью и радостью, как нечто необычайно близкое, дорогое, выношенное, в высшей степени важное, чего важнее не может быть, как будто кто-то подслушал то, что копилось в тебе давно, в чем, может быть, ты даже порой не решался признаться самому себе, и вот взял да высказал это за тебя...

Хочется сразу сказать спасибо тем, кто участвовал в ее создании: это прежде всего, увы, недавно скончавшаяся В. Д. Пришвина, жена и хранитель литературного наследия писателя, литературовед В. Кожин, поэт В. Шибин, Г. Атанов, вспоминающий о связях Пришвина с Горьким, П. Капица — крупнейший ученый нашего времени, друживший с Пришвиным и много встречавшийся с ним... а всего полтора десятка авторов; эти люди помогли нам заново увидеть и понять М. М. Пришвина.

И, наконец, сочинения самого юного Пришвина, выписки из дневников. — их можно перечитывать по нескольку раз.

Составитель сборника, вышедшего в издательстве «Современник», — П. Выходцев — в первых же строках раскрывает основную мысль

книги, точнее, проблему, которая всегда волновала М. М. Пришвина: человек и окружающий мир, приводя слова Горького, сказанные в 1926 году Пришвину: «Вы делаете огромное дело, которое не скоро будет понято и почувствовано». И вот оно, это дело, дело безмерной величины и немислимо великого значения, понято и почувствовано...

Мы знали Пришвина — неповторимого певца природы, обладающего удивительным чувством слова. Листаешь страницы — и полная неожиданность: оказывается, есть другой Пришвин — публицист и гражданин в высочайшем значении этого слова, сумевший предвидеть будущее, то будущее, которое уже сегодня становится реальной действительностью! Этот Пришвин изучает учение Вернадского о ноосфере, ему близко и понятно то, что еще и поныне доходит далеко не до всех. И думы Пришвина-писателя тесно переплетаются с провидениями-размышлениями Пришвина-ученого.

Пришвин смотрел вперед (завидное свойство, данное не каждому!), и вопросы, которые он доверял только своему дневнику, сегодня, мы видим, встают во весь рост.

Мы говорим о научно-технической революции — а что

ИСКУССТВО ВИДЕТЬ МИР

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ «ПРИШВИН И СОВРЕМЕННОСТЬ»

отсюда следует? Развитие науки, победная поступь техники отменяют литературу, искусство с их душевной болью и сердечными невзгодами? Что, они — антагонисты, непримиримые противники, взаимно исключающие друг друга? Да нет же, нет, они должны быть вместе, только вместе, идти рука об руку, поймите, убеждает нас Пришвин, как идут в школе дружно, рядом арифметика и родной язык!

И впрямь, если вдуматься, может ли художник изображать мир оторванно от реальной почвы, от примет эпохи? Наука — пружина, двигающая прогресс, развитие цивилизации, а с ними и человека. Отсюда неоспоримо важное значение научно-художественной литературы.

Учиться — нужно. Безусловно. Всем. Но огромно значение писательской — «познавательной», как аттестует ее Пришвин, интуиции. Это особое чувство, присущее лишь настоящему писателю, его незапатентованное оружие.

получает название — этика в общении с природой. Пришвина волнует вопрос — воспитание «людей будущего» (он вкладывает в это понятие свой смысл и потому берет в кавычки) в тесном контакте с природой. Не валяясь в дебри натурфилософии, а просто исходя из логики материалистического порядка вещей, Пришвин утверждает, что человек не может отрываться от природы, ибо он обречен с природой, «вся природа — продолжение человеческого тела», что бы ни делал человек, все это, все, все «сотворчество с природой».

Уверенный в своей правоте, Пришвин настаивает: в пишушем должно совмещаться двуединство — искусство и наука, ибо они растут из одного корня, а в наш век вообще должны служить опорой друг другу, растить один посеяв — передового человека своего времени.

Ругает учебники, от которых сохнут мозги учеников, и требует: создать учебник эмоциональный, обращенный

не только к разуму, но и к сердцу, — тоже обязанность и сотворчество этих двух интеллектуальных сил...

Все это Пришвин, его мысли, его устремления. Жизнь человека, смысл человеческого счастья и ощущение родины у него нераздельны. Эту нераздельность Пришвин утверждает всякий раз, когда

эту ночь, — это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе».

Но вот — как остаться неповторимой индивидуальностью и слить свои интересы с интересами общества? Пришвин ищет и находит ответ и на этот вопрос. Собственно, размышления над этим посвящена вся книга.

Удивителен в ней Пришвин, его афоризмы:

«Человек начинается словом и продолжается делом. А природа начинается делом и кончается словом».

О таланте. «Талант есть у всех, только его надо знать, а когда говорят «бездарь», — это значит, человек изменил своему таланту, а претендует быть кем-то: это претендент на чей-то трон, и я его терпеть не могу...»

Он стремится разъяснить, «зачем нужны в наше время мои собаки, звери и птицы», говорит о слиянии с людьми, цветами и добрыми животными, о связи песни с работой... Здесь видна душа болящая, щедрая и — опять — стремление показать (убедить), что человек — вместе-лишь всего прекрасного, чудесного, доброго, содушевленная субстанция, называемая жизнью».

Многим будет интересно узнать, что писатель Пришвин явился одним из пионеров «охоты с объективом». Смолodu он был увлечен фотографией. Азартный охотник, со временем он меняет ружье на «охоту с камерой». И здесь он предвосхитил веление (нужду? необходимость?) времени. Охота с кино- и фотообъективом ныне становится распространенным, если не

сказать массовым, увлеченным, придя на смену аттавистскому стремлению к убийству.

С полным основанием говорит: «...Мои фото изддут, и все будут удивляться, сколько у этого художника душе было радости и любви к жизни». И здесь Пришвин — союзник наш, верный проводник всего живущего.

(Тут напоминает дискссия об охоте. Как оскбились один уважаемый представитель племени ружейджальцев, когда я осмелился назвать охоту аттавистическим занятием, пережитком, прошедшим из глубины эпох, другой, столь же достопочтительный — биолог, пытался вшить, что охота не убийство, нет, нет, не убийство, а «что другое», что — он и не мог определить. Так же вам, мои оппоненты, пришвинское самоироничное в собственный адрес: «Охотник и рыбак: смотрел, смотрел, да поймать хотся!» (Из дневника) Он зывает это в себе зверем. Зчит, все-таки аттавизм? Тем, кто стыдливо пытается уйти от признания этого факта, призывая в союзники Пришвина-охотника, ныне чем крыть.)

И снова — «героем моего рассказа будет сама земля. Не забывать о земле! В тернии все живое...»

Как-то по-новому, с силой и убедительностью, ле этого начинают звучать полные великого смысла слова его, ныне ставшие латинами: охранять природу — значит охранять Родина

Борис РЯБИНИ